

Потемнели-мне ли-мне ли в небе тучи,
 В омут канула последняя звезда,
 Это мне ли пред судьбиной неминучей
 Все считать-читать ущербные года?

Что-то грохнет-охнет-охнет в поднебесье,
 За пригорком тропка в мокрое свернет,
 И шальной седок умчится в редколесье,
 Редко-редко, но улыбкою сверкнет.

В бурелом трава-травинушка не гнется,
 Бурелом для трын-травинки — трын-трава.
 Сизый селезень картова захлебнется,
 И от мрака просветлеет голова.

А потом, когда устало-тало-тало
 Небосвод повеселеет ввечеру,
 Осенит — таких мгновений очень мало,
 Когда Русь не призывают к топору.

Просто дождичек прошел в Руси великой,
 И не нужно никому на смертный бой.
 И Отчизна Несмеяной светлоликой
 Просияла в красном красною красой.

Просто огненно теперь на белом свете,
 Вновь пичугами затенькали сады.
 Лады-лады-лады-ладушкины дети
 Запоют на все веселые лады.

Серебряный ветер врывается в дом из-под шторы,
 Чумная газета от ветра пускается в пляс.
 И чудится Гоголь... И долгие страшные споры,
 Что вел с непослушным Андріем чубатый Тарас.

И что-то несется сквозь ночь... На тебя... Издалека...
 И тайно вершится не божий, не праведный суд.
 И чудятся скифы... И черная музыка Блока...
 Кончатся звуки... А скифы идут и идут.

Полночи без сна... И едва ли усну до зари я...
 Приходят виденья, чтоб снова уйти в никуда.
 И слышно, как бьется пробитое сердце Андрія,
 И слышно, как скачет по отчим просторам Орда.

На мокнущих стеклах полуночных фар перебранка,
 И тени мелькают — от форточки наискосок.
 А где-то, как некогда, тихо играет тальянка,
 И в душу врывается старый, забытый вальсок...

Полоска рассвета, как след от веревки на вые...
 Задернется штора... Отныне со мной навсегда
 Года роковые, года вы мои ножевые,
 Почти не живые, мои ножевые года.

Все смолкнет внезапно...
 Поверишь, что лопнули струны.
 Спихватишься — где он, главу не склонивший редут?
 Иное столетье... И это не скифы, а гунны,
 Зловещие гунны в тяжелых доспехах идут...

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
 Умерла земляника во чреве забытых полян...
 А он шел, напевая... Он был озорным и счастливым...
 — Как же звать тебя, *милый*?.. И вторило эхо: «Иван...»

Он шагал через луг... Чертыхаясь — несжатой полоской,
 Ну а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
 — И куда ты, Иване? — Туда, где красую неброской
 Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
 Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
 И увидишь туман, что с утра зародясь в травостое,
 Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь все вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастет и в ражине промолвит: «Отчизну не тронь!»

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

* * *

Такое время... Сентябрит...
Все птичьи свадьбы.
Как свадьба в воздухе парит! —
Не помешать бы!

Закрыли солнце... Полумгла...
Все выше, круче.
Лишь брызжут с мокрого крыла
Искринки тучи.

Парят крикливою семьей
Почти по кругу.
Как бережет он, Боже мой,
Свою подругу!

Глаза поднимешь — слепнет взгляд,
Ликует стая.
Им вслед березы шелестят,
Листву роняя.

Припомнишь — искорка прожгла
Листок намедни.
Как в миг последнего тепла,
Как в день последний...

* * *

Октябрь... Во мгле оцетинились ели,
Потупила женщина раненый взгляд.
Намокли кусты... Журавли улетели.
А я все хочу воротиться назад.

Туда, где туман над тропинкою ранней,
На луг васильками стекли небеса,
Где первые искорки робких желаний,
Зрачок о зрачок! — высекают глаза.

Где плющ закурчавился возле беседки,
Где гроздь рябины кровавят закат,

Где чахлое солнце повисло на ветке,
А я все хочу воротиться назад.

Туда, где поспела уже ежевика,
Где осы роятся... Ужалят... Не трожь!
И где позади журавлиного крика
Несжатой полоскою стелется рожь.

Где сад сторожит дед с берданкою злоущей,
Где все заголовки нахально кричат
О светлом пути, о счастливом грядущем...
А я все хочу воротиться назад.

* * *

Все багровой зарево...
Ах ты, волчья сыть! —
Разве государево
Дело — слезы лить?

Государь вершит закон —
Чтоб не ели зря!
Может прослезиться он
Лишь у алтаря.

Та слеза огромнит тьму,
Ранит на весу.
Не дай Бог узреть кому
Царскую слезу!..

Выйдет, усмехнется: «Хам,
Сможешь? — Володарь...»
Не дай Бог увидеть вам,
Как смеется царь!..

Тех, кто бит усмешкою
И слезою жжен,
Схватят — и не мешкая —
С тридцати сажен,

С башни... В омут, вырытый
Позади дворца,
Чтобы знали, ироды,
Кто им за отца...

Чтобы и впоследствии,
Через пять колен,
Знали, раболепствуя, —
Царь благословен.

И молили зимами
Господа впотьмах:

«Оживи родимого,
Пусть воротит страх!

Мы во страхе — гордые,
Нас во страхе — тьма.
Нам по нраву, Господи,
Рваная сума...

Ведь не стало рвения
В непонятный век,
Все без повеления —
И закат, и снег...

Нам бы зреть сквозь зарево,
Только и всего,
Ту усмешку цáреву
Да слезу его...»

* * *

Кто там плачет и кто там хохочет,
Кто там просто ушел в облака?
То ли кречет кричит, то ли кочет...
То ли пропасть вдали, то ль река...
И гадаю я, тяжело гадаю,
Не поможет здесь даже Господь, —
Где прошли мои предки по краю,
Чем томили суровую плоть?
Зажимаю в ладонях монетку
И бросаю в бездонье пруда —
Робкий знак позабытому предку,
Чтобы молвил — откуда?.. Куда?..
И вибрирует гул непонятный
Под ладонью, прижатой к земле,
И какие-то сизые пятна
Растворяются в сумрачной мгле.
И вдруг чувствую, дрожью объятый,
Посреди перекрестья дорог,
Как ордою идут азиаты
На восток... На восток... На восток...
Но не зрится в прозрениях редких,
Что подобны на детский наив, —
То ль с ордою идут мои предки,
То ль с дружиной, орды супротив?
И пока в непроявленной дáли
Растворяются тени теней,
Чую — токи идти перестали,
А вокруг все — мрачней и темней.
И шатаюсь я вдоль раздорожий,
Там, где чавкает сохлая гать,
И все Бога пытаю: «Я — божий?..»
А Господь отвечает: «Как знать...»